

The image shows a book cover with a dark, ornate frame. The frame is made of dark wood with intricate carvings and gold leaf accents at the corners and midpoints. Inside the frame, the background is dark and textured, possibly wood grain. The text is centered and reads: "ИРИНА САМОЙЛОВА" in a simple, white, sans-serif font. Below it, "Музейный" is written in a large, white, cursive font. At the bottom, "смотритель" is written in a large, white, cursive font. The entire book cover is set against a background of crumpled, aged, light brown paper.

ИРИНА САМОЙЛОВА

*Музейный
смотритель*

Ирина Самойлова
Музейный смотритель

«Автор»

2025

Самойлова И. А.

Музейный смотритель / И. А. Самойлова — «Автор», 2025

Давно пора заглянуть в музейное закулисье! Читайте подлинные истории автора, который работает в одном из крупнейших музеев России и пишет только о том, что видел своими глазами. Эти смешные реалистичные зарисовки о посетителях и работниках музеев точно никого не оставят равнодушными! Авторские рисунки отлично дополняют легкий развлекательный текст.

© Самойлова И. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Лето 2025	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Музейный смотритель

Лето 2025

С огромной благодарностью моим коллегам, которые стали героями этих заметок или поделились своими историями.

После поисков нового места в жизни я оказалась в какой-то момент среди музейных смотрителей. Подробный рассказ, как именно это произошло, будет слишком долгим и вряд ли кому-то интересным. Так или иначе, я здесь и сейчас.

По галерее ходит девочка лет трех-четырёх и размахивает розовой детской сумочкой. Лихо машет, на 360 градусов. Ясно, что я насторожилась и пошла в ту сторону. Мама сразу оценила ситуацию. Говорит дочери: «Вот ты меня не слушаешься, а к тебе уже идут». Улыбаюсь на замечание мамы, объясняю, что и вправду сумочкой лучше не махать, а то и сигнализация сработать может. Доча отдаёт сумочку маме и превращается в самого дисциплинированного посетителя. Мама смотрит благодарно.

--

Интересно воспринимаются некоторые экспонаты. В центре одного из выставочных залов находится скульптура сидящего мальчика. Бронза не гладкая, как обычно, имеет вид комковато-пузырчатый. Одна из наших смотрительниц окрестила мальчика жабенком (потому что поверхность – как шкурка у жабы). Я его про себя называла грязнулькой (потому что ощущение, что он облеплен грязью или даже сделан из нее). Другая смотрительница подошла, посмотрела внимательно и говорит с сочувствием: «Да нет, он же просто больной» (видимо, оспой или псориазом). В один из дней подошла девочка с родителями и спрашивает у них: «А почему мальчик весь в мурашках? Ему холодно?». Позже подошел мужчина с женой и говорит: «Он прямо как я после бритья». Наверное, это тот самый случай, когда форма совершенно затмила содержание.

Еще одна посетительница разом перечеркнула все предыдущие версии, сказав: «Так пенек тоже пупырчатый». Опа... А ведь и правда. Как говорится, не садись на пенек...

Выходной. Пропали все проблемы со сном. Сплю, как младенец. Казалось бы, невелик труд быть смотрителем, но в реале двенадцать часов (минус два обеда по тридцать минут) дают о себе знать. Долго сидеть не можешь, даже если мало посетителей, потому что начинаешь засыпать. Но у нас посетителей много. Очень много! От двух до пяти тысяч в день. Поэтому я за день нахожываю шесть-семь километров по залу. Моя хорошая знакомая по смене сказала как-то: «Как думаешь, сколько мы сможем еще так ходить?». Она имеет ввиду возраст. Кто его знает. Сколько сможем, столько будем.

Выходные заканчиваются, потихоньку настраиваюсь на очередное погружение в ближайшие два дня. Коллектив сплошь девочки в основном от сорока пяти до шестидесяти пяти лет. В интернете какой-то молодой человек написал, что в залах сидят посетители-бабушки. Ну какие же мы бабушки? Все в деловых брючных костюмах, с макияжем, маникюром, стильными брошами на фирменных галстуках. Мы просто взрослые женщины (хотя и имеющие в большинстве своем внуков).

Посетительница с мальчиком лет шести-семи попросила прочитать, что написано на табличке возле скульптуры. Он прочитал: «ПагАнины».

Смена хорошая: посетителей не слишком мало и не слишком много. Людям видны экспонаты, а мне – люди.

Сегодня день потерь. В одном зале осталась валяться на полу кепка, в другом – золотая цепочка. Все отправляется в специальное место для возврата владельцам, если таковые обнаружатся. Теряются также резинки для волос, салфетки для протирания очков (очень часто). А как-то на полу остался порционный пакетик с сахаром. Хорошо, что запечатанный. Был и тощенький полевой цветочек, очень похожий на те, которые растут возле нашего музея.

Выходной. Совсем не тянет к людям. Даже к самым замечательным. Хочется оставаться в тихой комнате с книжкой и никого не видеть. Это не депрессия. Просто когда сняты тысячи людей, проходящих перед тобой...

Годовалый малыш громко акает, мама его успокаивает. Выглядит это так:

- А!!!

- Ш-ш-ш...

- А!!!

- Ш-ш-ш...

И так все залы, триста экспонатов. Неторопливым шагом в течение полутора часов. Потом, когда они уже были в фойе, ко мне подошла смотрительница, хотела что-то сказать, и только начала: «А...». Я тут же: «Ш-ш-ш...».

Экскурсия для подростков. Порой дети плохо слушают, несмотря на живой рассказ экскурсовода. Но эти – другие. Хорошие такие лица, глаза внимательные. Не сыграешь. Когда выходили из зала, спросила у женщины, сопровождающей ребят, кто они. Обычная средняя школа. Надо же, ведут себя просто удивительно. Классная руководительница сказала: «Это потому, что я, как и вы, старой закалки. Десять раз объяснила, как себя вести в таких местах, рассказала, как здесь интересно. В общем, мотивировала. Это очень сильный класс. И родители у всех прекрасные».

Похоже, из этих ребятишек будет толк.

Мужчина средних лет рассматривает картины, при этом некоторые посетители рассматривают его: джинсы пониже спины украшают большие белые буквы: «RICH» (в переводе с английского – «богатый»). Кто бы сомневался, что имеется ввиду богатый внутренний мир.

Несколько раз были молодые люди в толстовках с надписью на спине: «Я такой же, как ты, хулиган». Хорошо, что на спине, а не где-то ниже, как в предыдущем случае, а то как-то неловко было бы перед Есениным, из стихов которого, собственно, эта цитата:

Дождик мокрыми метлами чистит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охапками листьев, –

Я такой же, как ты, хулиган...

Уходим на обед по очереди, на полчаса. Опаздывать нельзя, потому что в зале следующий смотритель тоскует и ждет тебя, как в детстве маму с работы. Пока кто-то другой на обеде, кажется, что минуты тянутся, а когда сам уходишь на перерыв, минуты оказываются мгновениями, и «свистят они, как пули у виска».

Трое молодых индусов рассматривают картины, слушая аудиогид (благо, там есть вариант на английском). Особый восторг вызывает у них статуя полубога воина. Фотогра-

фируются по очереди, принимая ту же позу, что и у него. Глядя на этих посетителей, сложно не улыбнуться: цвет кожи совпадает с цветом скульптуры – такая же темная бронза.

Чуть позже заходили молодые люди, которые приехали в наши края с Африканского континента в региональную футбольную команду. Фотографировались на фоне «Черного квадрата» и тоже сливались с общей гаммой картины.

Хорошо, что на выставке есть экспонаты в любом цветовом решении. А если серьезно, иностранцев очень много. И это радует. Увезут с собой в воспоминаниях частичку нашего музея и немного – нас.

Мальчик лет пяти: «Мама! Подожди, не читай! Я сам прочитаю. Вот: «КАЗ-ЛЕ-МА-ИР!». Это он так прочитал имя «Казимир». Да простит его Малевич!

К смотрительнице, сидящей на стуле, подходит пожилая женщина и громко говорит:

- А ну-ка, дай я сяду!

- Нет, – с некоторым изумлением в голосе отвечает смотрительница. – Это мое рабочее место. Пожалуйста, присядьте на скамеечку.

Отказывает вежливо, но решительно.

Женщина оглядывается, видит пустующий стул другой смотрительницы, которая куда-то отошла. Садится на него. Появляется хозяйка стула, и тоже говорит:

- Пожалуйста, пересядьте. Это место смотрителя.

- Не пересяду! – рявкает посетительница в ответ.

Что ж ты будешь делать! Ну пожали плечами, дождались, когда посетительница насиделась и сама ушла.

Забавно наблюдать одинаковую реакцию большого количества совершенно разных людей. По громкой связи объявили: «Внимание! На территории музея найден мобильный телефон. Просьба обращаться на стойку информации». Все в залах затихли, тревожно полезли в сумки и карманы, проверяя свои телефоны. В другой раз прозвучало: «Найдены ключи...». Все дружно и сосредоточенно загремели ключами.

Вернувшись на работу после выходных, смотрители делятся:

- Вчера с внуками играла в прятки, потом в лото, потом лепили.

- А я с внуками бегала, мы в догонялки играли. У меня участок-то большой.

- Мы с внучкой модель самолета клеили. Она так тянется к технике!

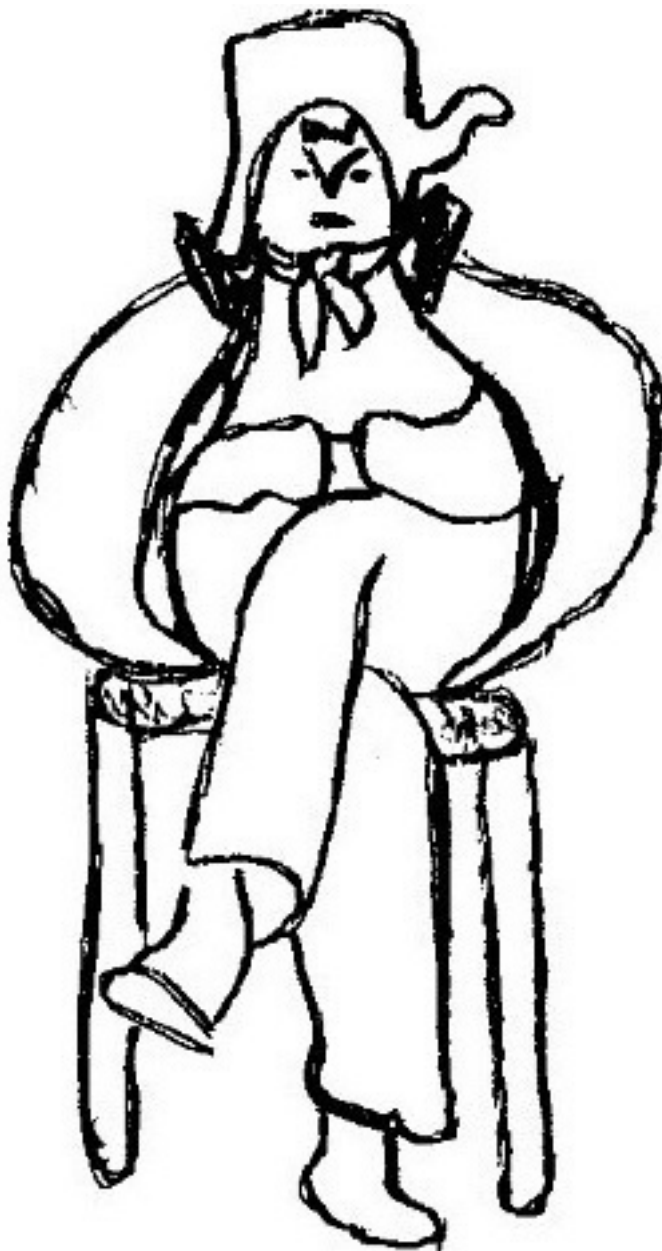
Может, не так уж и далека от истины шутка: «А что, если бабушки, сидящие на стульях в музее, это когда-то отбившиеся от экскурсий и одичавшие дети?».

Чаще всего смотрители просят гостей не заступать за линию, не подходить вплотную к картинам, не трогать скульптуры. Посетители в большинстве своем реагируют спокойно, и в этом случае можно услышать в ответ: «понятно», «хошо», «о'кей», «конечно», «ага», «угу», «добро» и так далее. Есть те, кто недоволен просьбой смотрителя, но спорить не хочет. Такие посетители молча вздыхают, выразительно закатывают глаза, обиженно надувают губы, недовольно чмокают, возмущенно фыркают. И, наконец, самая негативно настроенная группа – это те, кто отвечает смотрителю: «бред!», «о Господи!», «ну ваще!», «что за чушь!», «отстаньте от меня!», «е-мое!» и даже – «япона мать!». К счастью, такое происходит не часто. Но сегодня был совсем уж особый случай.

Коллега сидит на стуле у двери в самый первый зал. Естественно, смотрит на каждого входящего. Появляется женщина средних лет. Поймав на себе взгляд смотрительницы, встает перед ней (руки в боки, ноги на ширине плеч) и говорит: «Че не так?!».

Ах, как жаль, что эта смотрительница при исполнении! Она – великая мастерица составлять многоэтажные непечатные языковые конструкции. И так затейливо могла бы ответить! Но отвечает стилистически нейтрально: «Моя работа – смотреть на всех, кто входит». Поскольку скандала не вышло, посетительница отправилась дальше, и уж больше ни к кому с таким вопросом не подходила. Как-то утухла вдруг.

В зале прохладно. Около восемнадцати градусов. Так нужно для картин. Ничего страшного. Три слоя одежды наверху, три внизу, активное периодическое хождение – и все хорошо. Хотя, если сидишь совсем рядом с кондиционером, это может становиться проблемой.

Читала в интернете отзывы о музее. В основном хвалебные, но встречаются и ругательные. Чаще всего люди возмущаются тем, что не разрешается приносить с собой воду. Ну вот не разрешается. Таковы правила. Может, я тоже подискутировала бы с теми, кто их составлял, но вот так. Также много недовольных тем, что нельзя заходить с рюкзаком за плечами. Но

дело в том, что можно нечаянно задеть экспонат, а каждый из них имеет стоимость, выражаемую семизначной цифрой, как минимум. Тут забота еще и о кошельке самих же посетителей. Пишут, что вот, мол, меня рюкзак заставили нести за ручку (как вариант – перевесить на грудь), а другие ходят, как хотят, и ничего. Что скажешь? Во-первых, бывает столько людей, что смотритель или безопасник просто не успевают все заметить, особенно к концу дня, когда уже смотришь, но не видишь. Во-вторых, некоторые люди послушно снимают рюкзак, а потом, отойдя на несколько метров, надевают снова. Если человек категорически не хочет прислушиваться к рекомендациям, то лучшее решение – просто оставить все, как есть, но в этом случае смотрителю приходится ходить за таким посетителем буквально по пятам, чтобы проконтролировать, не цепляется ли за что-нибудь или за кого-нибудь рюкзак. Соответственно, другим посетителям должного внимания уже не уделяешь. В общем, на каждый негативный отклик можно ответить разумными аргументами, но настроение, конечно, портится. Однако читать свежие комменты продолжаю. И плохие, и хорошие. Все равно интересно.

Очень много посетителей. Нам тяжело. В какой-то момент решили дружно повторять (про себя): «Горшочек, не вари!». Не сработало.

Для посетителей выставка – это важное событие, все к нему готовятся, настраиваются, платят деньги, в конце концов. А мы смотрим на экспонаты часами, днями, неделями и даже месяцами. Для персонала это уже становится рутинной. Поэтому нужно напоминать себе: к тебе идут за праздником, не порти его людям, не перегибай. Особенно, когда нужно сказать посетителю о каком-то ограничении при посещении музея.

Одна из наших экскурсоводов рассказывает, что картину можно услышать: шум моря, шорох листьев, пение птиц. Я же смотрю – и слышу тексты. Ну вот, например – «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали». Это, конечно, про «Бурю» И.К. Айвазовского. Или: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя (скульптура М.М. Антокольского «Нестор-летописец»). «Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела» (картина А.И. Куинджи «Дарьяльское ущелье»). А вот про одну диковинную скульптуру, которая совсем-совсем авангардная, вспоминается: «Ну, а это что такое, непонятное, чудное, с десятью ногами, с десятью рогами? Это Бяка-Закаляка Кусачая, Я сама из головы ее выдумала».

Родители бывают очень разные. Некоторые отличаются бесконечным позитивом. Малыш-ползунок садится на пол. Вообще-то сидеть на полу у нас нельзя. Но так не хочется произносить это слово – «нельзя». Пытаюсь пойти в обход. Говорю с намеком:

- У нас пол грязный, не смотрите, что паркет.
- Ничего, отстираем!
- Нет, правда. Очень много людей проходит, и обувь у всех уличная.
- После нас чище будет!

Да что ты будешь с ними делать! Оптимисты непроходимые.

Мобильная связь у нас в залах работает плохо, но некоторые операторы до своих абонентов все же дотягиваются. Бывает забавно. В зале с картинами Куинджи, Серова, Коровина вдруг раздается полифонический рингтон со всей песняровской широтой: «Вижу, вижу алые кисти рябин. Вижу, вижу дом ее номер один...». Владелица телефона – пожилая женщина, не умеющая порхать пальцами по экрану мобильного, поэтому и дальше льется песня. Все поулыбались добродушно, а я второй день не могу отлепить от себя: «Где же моя темноглазая, где, в Вологде-где-где-где, в Вологде-где-где...».

Вредная у нас работа! Требую стакан молока!

Супруги подходят к смотрителю с вопросом:

- Где тут «Черный квадрат»?

- А вы его прошли. Нужно немного вернуться.

Возвращаются, находят квадрат. Жена говорит с искренним недоумением: «Вот это? Так я его видела. Просто подумала, что это электрощиток».

Один из загадочных экспонатов – скульптурная группа Исаака Бродского «Кентавры». Аннотация звучит так: «Композиция включает изображение кентавра и женщины. Фигура кентавра расположена на прямоугольной подставке. На лице кентавра заметны борода и выпуклые глаза, под которыми расположены мешки. Тонкие руки и обвислый живот дополняют образ мифического существа. Рядом находится женщина с круглой спиной и большим животом. У женщины длинное лицо. В композицию также включена фигура кошки с пышным хвостом, расположенная рядом с кентавром». Ничего себе описание. Но, кстати, очень точное. Кентавр с довольно-таки свирепым выражением лица хмуро уставился на женщину.

Смотрители гадали, что бы все это значило. Одна предложила версию: «Это семья. Папа, мама и ребенок. Кентавр спрашивает: «Откуда у меня мог взяться ребенок-котенок?!». Жена сложила руки на груди и возмущенно фыркает в ответ: «Да ты на себя посмотри! Что с тебя взять? Хорошо, что хоть котенок родился от такого красавца, как ты!».

Девочка лет четырех рассматривает картины вместе с молодым высоким папой. Папа присаживается на корточки, чтобы дочке было удобнее слушать, и увлеченно рассказывает ей что-то про портрет императрицы Елизаветы Петровны. Девочка потихоньку отдалилась от папы, отправилась дальше, а папа все рассказывает. Уже другие люди подошли, встали вокруг него кружком. А он все сидит на корточках и говорит, говорит...

Многие смотрители не выносят запах парфюма в зале. Очень болезненно реагируют. Я к этому отношусь нормально. Даже любопытно унюхать что-то новое, а причудливое сочетание разных видов духов, парфюмированной и туалетной воды, одеколona вообще вызывает выброс обонятельного адреналина. По мне так гораздо хуже, когда в зале начинают благоухать продукты. Их проносить запрещено, но иногда что-то такое ощущается. На днях очень сильно пахло копченой колбасой. Не то, чтобы я не любила колбасу. Отнюдь нет. Просто иконы или старинные картины очень уж диссонируют с таким запахом. И вот это действительно мешает. В другой раз явно слышался запах соленых огурцов. Тоже так себе в данном случае, хотя в целом штука неплохая.

Возле скульптуры Ф. Щедрина «Марсий» женщина рассказывает дочке лет шести: «Марсий – это сатир, очень талантливый. Он соревновался с богом Аполлоном в игре на флейте и победил его. Аполлон страшно рассердился...». Стою рядом. Думаю: «До конца будет рассказывать?». Женщина возле скульптуры выкладывает все, как есть: «И тогда разгневанный Аполлон велел содрать с Марсия кожу». Встречаюсь взглядом с рассказчицей, говорю:

- А я все думала, будете ли вы в детали углубляться.

Она в ответ бодро:

- Конечно! Это история, ее нужно знать!

- Вообще это мифы.

- Тем более!

Девочка смотрит на скульптуру не испуганно, а внимательно, чуть напряженно и как-то очень по-взрослому.

Я в курсе, что сегодня многие родители считают, что даже «Му-му» детям нельзя давать в школьной программе, потому что очень грустная история. Плачут они над книжкой. Точно. Мой сын тоже плакал. Но ведь для того же и существует искусство, чтобы трогать душу, а порой и обжигать? И может быть, тот, кто не плакал в детстве над мифом, книжкой, фильмом, тот и над реальным человеком никогда не заплачет?

Женщина сегодня спросила, глядя на картину середины восемнадцатого века: «А почему не видно мазков? Тут как будто напыление». Я с ходу не смогла ничего сказать, кроме самого общего: «Такая техника живописи», но дома-то, конечно, полезла ковыряться в сайтах. Ну да, мазковая техника в средневековой живописи почти не применялась. Знающие люди пишут про лессировку. А вот Леонардо называл технику, при помощи которой он нарисовал Мону Лизу, сфумато. Утверждают, что до сих пор до конца не известно, в чем она заключалась. Я-то думала, что дежуря в этом зале, уже никаких загадок не найду. Спасибо посетителям!

В первый зал заходит мужчина, принохивается и говорит спутнице: «Пахнет этими... Как их? Картинами!».

Трижды за смену чуть не умерла от состояния, которое предлагаю занести в медицинскую энциклопедию под названием «ужас смотрительский». Сначала женщина подошла к картине семнадцатого века, взялась за угол багета, как берут кусок пирога с подноса, и, видимо, хотела покачать или подергать. Не успела, поскольку я стояла в полуметре и, конечно, воскликнула: «Что вы делаете?! Картины категорически нельзя трогать! У нас сигнализация!».

В другой раз я даже пробежалась. Метров тридцать по диагонали зала. Сама от себя не ожидала такой прыти. В общем, девочка лет пяти подошла к картине и стала водить ручонкой по стеклу. Женщины, которые были в музее с этой девочкой, обернулись на звук моей иноходи, стали извиняться: «Ой, мы отвлеклись, засмотрелись!». Ничего-ничего. Главное, что картина не упала и сигнализация не сработала.

В третий раз посетительница наклонилась к старинной картине, вплотную приблизившись к полотну, и при этом практически легла на раму грудью в пушистом боа. Я опять запримечала: «Да вы что?! Картина, она ж... Сигнализация сработает ж... к вам же сейчас... прибежит целый отряд мужчин!». Рассказала своим после смены, говорят: «А может, она этого и хотела?».

Традиционно много людей. Над общим уровнем голов возвышается молодой мужчина, который поднимает вверх паучка в ползунках возрастом недели две, не больше, и говорит ласково: «Ну как тебе, Ромулька? Красиво?». Ромулька молодец, не плачет, не кричит. Наверное, кряхтит себе потихоньку, но за общим приглушенным гулом не слышно.

Дежурю сегодня в начале выставки. Многие заходят, останавливаются и говорят: «Неужели я здесь?!». Или: «Как красиво!». Или просто: «Ах!». В итоге чувствуешь себя немного феей. Но есть и те, кто заходит уже раздраженный. Может, отгают, осматривая экспонаты?

У нас есть свой язык. Например, слово «допики» обозначает дополнительные билеты, которые продают помимо тех, которые люди приобрели на сайте с фиксированным временем. Есть свое слово для сообщения по рации при сработке сигнализации, а также есть слово, которое, передаваемое также по рации, обозначает сообщение: «В зале директор!» Называть это слово не буду, еще пригодится.

У портрета Анны Ахматовой работы О.Л. Деллы-Вос-Кардовской останавливаются две молодые женщины, и одна из них вполголоса читает «Сжала руки под темной вуалью...». У меня, битого жизнью прагматика, на глаза наворачиваются слезы. Идиотизм, конечно (с моей стороны).

Запреты для зрителя: фотографировать посетителей по их просьбе, оценивать экспонаты (высказывать посетителям свое мнение), задерживаться с обеда, задерживаться из туалета (можно отойти в любой момент, но не устраивать себе дополнительный перерыв), подставлять коллег (например, негласная служебная этика требует сообщить о приближающемся к залу начальстве).

В углу одного из залов стоит бронзовый бюст Д.Д. Шостаковича. Две старшеклассницы пытались поковырять пальцами у него в носу. Пояснить подбежавшему смотрителю, зачем, они не смогли. Наверное, это молодые пытливые умы. Мы всей сменой повеселились вечером в раздевалке, хотя понятно, конечно, что нехорошо совать пальцы в музейного Шостаковича.

Поговорка «для чего родился, на то и пригодился», верна на все сто. Однако часто люди не понимают, что нет работы, с которой справится каждый. Далек не каждый сможет работать уборщицей, кассиром в супермаркете, сторожем. Не просто работать, а быть отличными (или хотя бы хорошими) уборщицей, кассиром, сторожем. Простые должности не так просты, как может казаться со стороны. Попробуйте, поработайте, и вы это быстро поймете.

Музейные смотрители в ряду прочих уважаемых и необходимых обществу профессий – не исключение. Да-да. Нередко люди думают, что задача смотрителя – просто сидеть на стуле, но это про другое. Это про умение сделать посетителю при необходимости замечание, которое будет выглядеть как доброжелательная рекомендация. Сочетание гибкости и твердости. Внимания. Интеллигентность. Если презираешь интеллигенцию как класс («еще и шляпу надел»), то не получится.

Если у вас посетитель, который пытается хамить или даже откровенно хамит (что, кстати, большая редкость), и вы знаете, что он абсолютно не прав, нужно сказать ему: «Вы абсолютно правы». Не раздражаясь. Потому что если он не прав, а вы не смогли убедить его в своей правоте и дошло до конфликта, то это ваша вина. Музей – это официально не сфера обслуживания, но по факту во многом – она самая. И покупатель (посетитель) всегда прав. Если вы не готовы к этому, то это не значит, что вы плохи, это значит, что должность музейного смотрителя – не ваша.

Не встречала человека, который ходил бы, надувшись от гордости из-за того, что он – музейный смотритель. Все понимают: должность, в общем-то, из рядовых. В смотрители приходят ото всюду, полагая, что тут просто, а удерживаются те, кто хочет дышать этим воздухом. Для кого это истинная ценность. А все остальное, различные технические моменты, проблемные ситуации – это исключительно вторично, малозначимо.

И.Л. Андроников говорил: «...я так любил филармонию, что готов был пол подметать, так мечтал иметь хоть какое-нибудь причастие к этому замечательному учреждению» (И.Л. Андроников. «В первый раз на эстраде»). Если вы понимаете, о чем это он, из вас получится смотритель.

Самые интересные смотрительские посты – первый и последний. На первом всех встречаешь, говоришь «Здравствуйте!». Посетитель полон энтузиазма и предвкушает. На последнем посту всех провожаешь. Те посетители, которые дошли до конца, понимая, что свобода близко, благодарят: «Спасибо вам!». Отвечаешь: «Пожалуйста! Приходите еще!».

Как и в жизни, в нашем музее важнее всего начальная и конечная точка.

После рассказа детям четвертого класса про картину К. Маковского экскурсовод говорит: «А был еще один художник – Шишкин. Слышали?». Дети хором: «Нет...». Педагог с заднего ряда: «Как не слышали?! Я вам сегодня утром рассказывала!». Экскурсовод: «Ну конечно слышали, просто немножко подзабыли. Давайте ваши знания закрепим!». Авторитет педагога деликатно спасен.

Конец рабочего дня. В пустом зале молодой человек сел на банкетку. Похрустел ногами, похрустел руками, шеей. Оглянулся на смотрительницу. Наверное, ждал реакции. Смотрительница изобразила покерфейс, подумав: «Хрустел бы ты уже на выход, милый».

У кассиров тоже работа интересная. В галерею дети до семи лет проходят бесплатно, а с семи до семнадцати – со скидкой. Иногда на кассе взрослые посетители говорят: «Можно, мы посмотрим выставку по детскому билету?». Кассир смотрит вопросительно. Тогда посетители добавляют: «Ну согласитесь, ведь каждый из нас в душе ребенок».

Молодой человек активно разговаривает с компанией девушек на обиходном русском языке. Смотрительница видит, как он подходит к картине.

- Пожалуйста... – начинает она.
- Do you speak English? – спрашивает парень, глядя наивными глазами.
- Я сейчас охрану позову, – произносит смотрительница зловеще-доброжелательно.
- А че сразу охрану-то? Я ж не заступаю.
- Вы тыкаете пальцем в картину. Не делайте так! Do you understand me?

Очень сложно работать в выходные и по праздникам. Не из-за количества посетителей, а из-за их качества. Все посетители в общем и целом делятся на две категории – настоящие ценители искусства и ненастоящие. Настоящие приходят независимо от дня недели и календарных дат, без привязки к времени суток, обычно по одному или небольшими группками. Ненастоящие всегда приходят волной и обязательно компанией, в выходные, особенно по праздникам, с трех часов дня до пяти вечера. Цель прихода: для галочки; потому что «так принято»; потому что хотят показать, что они «культурные люди»; чтобы запоститься в сети. Вот с этой категорией работать очень трудно. Трогают все, заходят в запретные зоны, любые замечания принимают в штыки или просто смотрят сквозь тебя, никак не реагируя. Некоторые так и говорят: «Я деньги заплатил – что хочу, то и делаю».

Конечно, пусть приходят все. Может, часть из ненастоящих ценителей постепенно перейдет-таки в отряд настоящих, но нам, чисто профессионально, милее, конечно, те, которые настоящие уже сейчас. Которые приходят, потому что не могут не прийти, потому что они НАШИ.

Из откликов на сайте: «Очень понравилось! Отдельное спасибо архитекторам и дизайнерам за главную выставку. То, какие выкрасы для стен в залах вы подобрали, просто браво!».

Огромное спасибо за высокую оценку! А кроме того, у нас отличный вывес картин, уникальный выстав скульптур и грамотный высад смотрителей.

Сюжет картины Лагрене-старшего «Суд Париса» основан на античном мифе. Афродита, Гера и Афина поспорили о том, кто из них прекраснейшая, и попросили Париса сделать выбор. За «правильное» решение Гера пообещала Парису власть, Афина – военную славу, Афродита – любовь Елены Прекрасной.

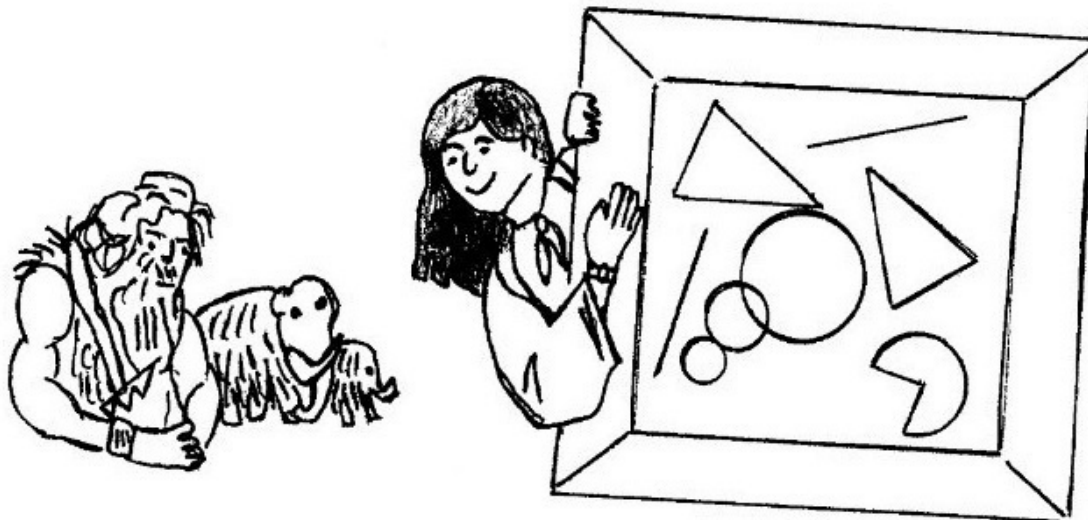
Возле картины вполголоса разговаривают две женщины за пятьдесят:

- Вот ведь дурак же! Одна ему предлагала воинскую славу, другая – власть и деньги, а он выбрал... любовь!

- Молодость...
- Ну да. Мы бы уже, конечно, из предложенного бабки предпочли.

Вошел большой полный мужчина за шестьдесят в костюме лыжника: широкий вязаный шарф, шапка с помпоном. Все запястья в татуировках, выдающих не модный драйв, а годы криминального опыта (аббревиатуры, кинжалы, цепи, кресты, храмы с куполами). Приблизился к иконе святой великомученицы Екатерины: «Ну вот где они таких баб брали, чтобы рисовать?! Сейчас таких лиц нет».

Мышление человека – это самое интересное из всего, что существует на свете. Наша выставка называется «Пять веков русского искусства». Слышу, как одна из посетительниц говорит друзьям: «Идем, идем! Посмотрим! Это же выставка «Пять веков до нашей эры».

В чем же, собственно, трудности и подводные камни работы смотрителя? Работа часто на ногах. Сенсорный перегруз (большое количество людей, проходящих перед тобой). Эмоциональное напряжение в течение двенадцати часов из-за недовольства некоторых посетителей персоналом, зданием, экспонатами и прочим – порой находится любой повод, если есть какой-то собственный негатив. «Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые» (Булгаков М.А. «Мастер и маргарита»). Поэтому присматривать за порядком в зале нужно так, чтобы это не было демонстрацией, в противном случае почти гарантированно такой человек остановится, повернется к тебе и скажет: «Что вы за мной ходите?! Оставьте меня в покое!» Ответить: «Это моя работа», – приемлемый вариант. Ответить: «Извините, постараюсь вам больше не мешать», – но продолжать ненавязчивое наблюдение – вариант лучше. Выходит, что смотреть должен быть еще и мастером конспирации (мысленно ставлю смайлик-улыбку в этом месте).

Тяжелая ли это работа? Работа всегда тяжелая, если работать.

Иногда ощущаешь себя частью выставки. Молодой человек подошел, говорит: «Какой у вас галстучек красивый! И бейдж оригинальный с логотипом!». Ну да, ну да. Понятное дело, фэйс уже заметно уступает и логотипу, и галстучку. Ну да ладно.

Икона «Чудо Георгия о змие» вызывает большой интерес. Животину, которую топчет конь, все называют по-разному. Люди постарше – «змий», люди среднего возраста – «змей», дошкольники – «змея», а подростки – «дракон». Каждый прав по-своему.

А недавно пожилая посетительница проявила научный подход, воскликнув: «Ну надо же, как он топчет эту рептилию!». Можно пойти и дальше: «Примат верхом на парнокопытном топчет чешуйчатое холоднокровное». Биологи согласны?

Утром приходим в залы рано, но зато хоть наговоримся, пока посетителей нет. Потом-то уж не получится, у каждого свой пост, кучковаться в течение смены нельзя.

У портрета императрицы Елизаветы Петровны женщина говорит подруге:
- Сразу видно, что у нее гипотиреоз.

Поясню читателям: гипотериоз – это заболевание щитовидной железы.

Подруга посетительницы хохочет в голос:

- Ты уже диагноз поставила!

Женщина обращается ко мне:

- Ну ведь заметно же?

- Мне кажется, тогда просто так рисовали.

- Нет, обратите внимание – у этого глаза нормальные, здесь тоже все хорошо, а вот тут, наоборот, глазки навывкате, шейка припухшая...

- Так вы врач?!

- Да.

Я вечером, уже дома, задала вопрос ИИ на эту тему, получила ответ: «Информации о заболевании щитовидной железы у императрицы Елизаветы Петровны не найдено». Ну не знаю-не знаю... Может, так и рождаются научные открытия?

Один молодой человек сказал, что наш музей – богическое место. По типу «бомбическое»? Главное, что понятно и (чего уж там!) приятно.

Завсегдатаи музея приходят в очередной раз, чтобы полюбоваться какой-то конкретной картиной. Сегодня была семья, мужчина говорит: «Ладно, вы смотрите, а я пока к Айвазовскому схожу». Навестить решил. Соскучился, значит.

Снова пережила «ужас смотрительский». Девушка лет семнадцати подошла вплотную к портрету пожилого статского советника и начала подпрыгивать, как балерина, раскидывая руки в стороны, а подружка телефон на нее наводила. «Да мы, – говорят весело, – просто сфоткаться хотели».

В наш музей приходит очень много инвалидов. Думаю, не только в наш. Понятно, что для людей с ограниченными возможностями здоровья это одно из немногих пространств, где можно побыть среди массы людей, получить новые впечатления. Тем более, что наш музей построен недавно, в соответствии со всеми новыми веяниями и требованиями, то есть так, что это чисто технически абсолютно доступное место для всех. Некоторых таких посетителей мы уже знаем в лицо и здороваемся персонально.

В зале с картинами восемнадцатого века мужчина говорит спутнице: «А что это тут так много картин неизвестного художника?». Вспомнился старый анекдот. Экскурсовод рассказывает посетителям выставки: «Перед вами шедевр – «Портрет неизвестного». Это ранее неизвестная копия с картины неизвестного художника, сделанная неизвестно кем, неизвестно когда и неизвестно как попавшая в наш музей».

В одном из залов у ребенка лопнула игрушка-антистресс. На полу и на ребенке оказалась вода из этой самой игрушки, картины не задело. Кому-то антистресс, а кому-то – полный стресс.

Каких только увлечений не встретишь у зрителей в нашей смене! Даже футбольные фанатки находятся. Есть у нас такая одна. Очень ответственная, всегда стоит на посту, как универсальный солдат. Не отвлекается, не расслабляется – бдит. Но временами человека будто подменяют. Каждые десять минут ныряет в телефон, морщится, вздыхает, вздрагивает, думает о чем-то нездешнем. Это значит, что идет матч с участием нашей региональной команды. И при каждом новом забитом мяче болельщица находит повод пробежать мимо всех постов (типа в

туалет отлучиться) и сообщить всем без исключения смотрительницам счет. Мы, все остальные в смене, не фанатки и, конечно, вряд ли ими станем, но теперь, хотим или не хотим, точно знаем, кто играет, где, с кем и на каком месте наша команда в турнирной таблице. А когда на одном из турниров наши уже почти выиграли важный матч (до конца игры оставалось пять минут) и поднялись в этой самой таблице на невиданную ранее высоту, она так разволновалась, что я ей даже сказала: «Слушай, это здорово, конечно, и мы очень рады, но ты все же как-то успокойся. Нам в смене только инсульта не хватало». Посмеялась, расслабилась. Обошлось.

Посетитель – смотрителю: «Скучаете, наверное? Вам бы хоть телевизор поставили».

Людей притягивают яркие картины. Особенно – выполненные в красных и оранжевых цветах. Даже забывают о том, что это ими же руганное современное искусство. Подходят и говорят: «Красиво». Видно, не зря слово «красный» когда-то означало «красивый».

Дистанция для просмотра икон обозначена не ленточками, не линиями, а специальными лежащими тумбами-подиумами с покатою поверхностью. На каждой наклеен знак – перечеркнутая ладошка. Девочка лет трех начала хлопать руками по тумбе. Мама, показывая на рисунок: «Нельзя трогать ручками». Девочка тут же быстро вскакивает на тумбу. Если ручками нельзя, то ножками-то можно! Разве не логично?

Еще вспомнилось. Взрослая женщина подходит к такой тумбе и спрашивает:

- Это для чего?

- Для того, чтобы посетители не подходили слишком близко.

- А я думала, они как раз для того, чтобы на них забираться и поближе все разглядывать.

Смотрю на нее: маленького роста, худенькая. Ну да, такая птичка могла бы легко вспорхнуть даже на покатую тумбу.

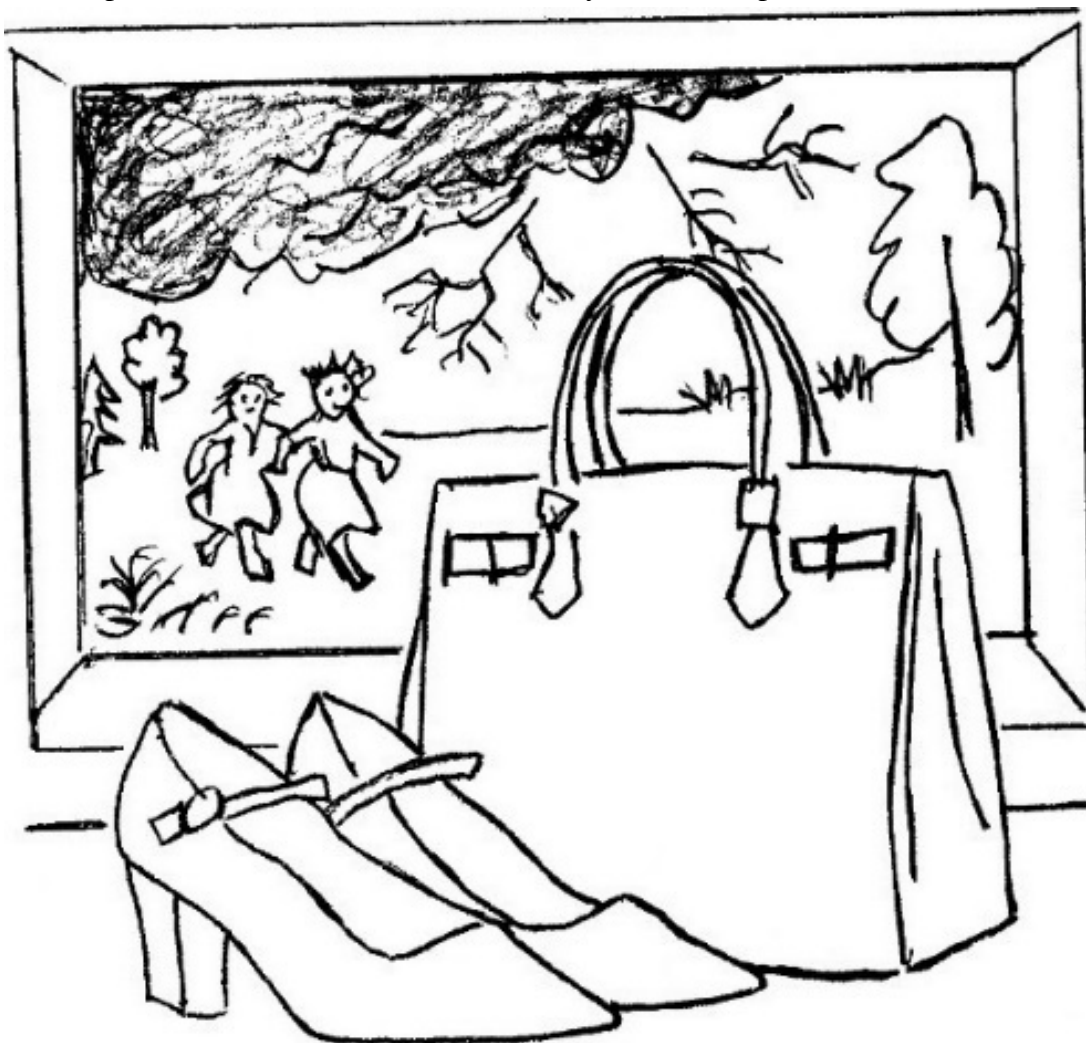
Самый популярный вопрос посетителей: «Это подлинники?». Иногда хочется ответить: «Нет, это мы сами нарисовали».

Мужчина гладит скульптурный портрет Чайковского. Смотрительница издали быстро идет к нарушителю. Он, заметив это боковым зрением, поворачивается к ней лицом, улыбается и говорит: «А я уже все!».

Иногда сознательно совершаю маленькие преступления. Вот сегодня шли по залу две очень хорошо одетые женщины. У одной в руке – туфли на приличном каблучке. Приглядываюсь, обалдеваю, подхожу: «Извините пожалуйста, у нас нельзя ходить босиком». Оказывается, стерла ноги в дым. Быстро думаю: «Инструкция... Правила... Нельзя у нас босиком ходить... Пол паркетный... И?.. Что ему сделается?! Посетительница не босиком, а в беленьких следочках... Почти что тапочки... Да я не женщина, что ли?!». Говорю тихонько: «Нельзя ходить босиком, такие правила посещения. Но у вас брюки широкие, в пол, не заметно, что вы без обуви. Если бы не туфли в руках, я бы и не заподозрила. Давайте вы их просто спрячете». Секунда – и туфли ныряют в объемную сумку. «Спасибо!!! Спасибо!!!». Идут дальше. Прошли в двадцатый век, вернулись в девятнадцатый, в восемнадцатый, опять в двадцатый. Через полтора часа направились к выходу. «Ну что, – спрашиваю, – никто вас так и не спалил?». Улыбаются: «Нет». Заговорщически негромко роняю: «Но мы с вами должны сохранить эту маленькую тайну». В ответ дружный шепот: «Да!».

Они потом написали очень хороший отзыв о музее. Пять звезд поставили. Разве музею пять звезд не нужны? Конечно, эти опусы может прочесть мое руководство и потребовать

подать ему Тяпкина-Ляпкина. Ну тогда я скажу, что это просто художественный вымысел. Занесло, завралась. А как на самом деле было, пусть читатель решает сам.

По-разному посетители называют смотрителей. Девушкой – случается периодически. Не злит, но изумляет. А вот барышней меня назвали впервые. Барышня – это устаревший вариант слова «девушка». Барышнями раньше называли девушек дворянского (знатного) происхождения. Ну... дедушка мой и вправду был из дворян. Назвал меня так мужчина весьма зрелых (то бишь моих) лет. Возможно, я для него и вправду барышня. А сегодня пожилая дама обратилась ко мне, начав так: «Сударыня...». Как следует из Толкового словаря Т.Ф. Ефремовой, это устаревшая форма вежливого, учтвого обращения к женщине, девушке. А что? Неплохо.

К скульптурному портрету И.Е. Репина работы В.М. Васнецова подошла группа девушек лет двадцати. Посмотрели внимательно, одна из них задумчиво обронила: «За такого бы я пошла...».

В девять утра мы все уже на местах, хотя посетители приходят только в десять. Считаем экспонаты, заполняем журналы, проверяем сигнализацию и средства связи со службой безопасности, встречаем-проводим клининг. Ну и поговорить, конечно. Кто куда на выходных ходил-ездил, что с детьми (вариант – с внуками), кто родился и, увы, кто умер. Жизнь. Без

пяти десять желаем друг другу хороших посетителей и расходимся по постам. Кстати, когда я проходила собеседование при приеме на работу, меня спросили, как я понимаю миссию музейного смотрителя. Я, не сумев, как обычно, усмирить свою иронию, сказала: «Сторож!». Хвала небесам, люди попались с юмором, просто посмеялись. Теперь я сказала бы иначе: «Часовой». Интернет говорит, что часовой – это вооруженный караульный, выполняющий боевую задачу по охране и обороне порученного ему поста. Точно про нас. Оружие – рация и улыбка.

Бывает, молодые люди, приходя с девушками, пытаются произвести на них особое впечатление, при этом парней начинает слегка заносить.

К одной картине подходит пара, молодой человек спрашивает:

- Сколько стоит эта картина?
- Эти картины не продаются.
- Ну а все-таки, если бы продавались?
- Миллионы.
- Я в море хожу, могу себе позволить!

В другой паре молодой человек спрашивает:

- У вас на выставке что-нибудь уже портили?
- Нет. А вы хотите начать?
- Ну... А что будет, если что-то испортить?

У девушек в обоих случаях на лицах читаются смешанные чувства. Им, конечно, немного приятно, что парни выделяются ради них, однако в то же время как-то неудобно слушать такую чушь. Но ведь чушь-то ради нас, женщин! Сложно решить, как реагировать.

А насчет того, что будет, «если испортить»... Посадят на несколько лет и заставят выплачивать, например, миллионов тридцать (смотря как портить). Только и делов-то.

Как и во всякой работе, в нашей присутствует доля занудства. А некоторые смотрители полны энергии. Запусти их на картофельное поле – в темпе вскопают, посадят и тут же выкопают. Им бывает сложно просто наблюдать. Одна из таких смотрительниц, едва к картине подходят посетители, начинает с увлечением рассказывать о сути изображенного на холсте. Нам это делать нельзя. Есть смотрители – они смотрят. Есть экскурсоводы – они рассказывают. Но, видимо, очень хочется как-то разнообразить свое дежурство. И вот льется с увлечением рассказ. Посетители вежливо вникают. Позади стихийно образовавшейся группы незаметно встает проходившая мимо старшая смены, складывает руки на груди, наклоняет голову и молча слушает. В какой-то момент раздается громкое «Ой!». Это смотрительница заметила начальство. Позже производится легкий втык. Теперь неумная энергия сдерживается, хотя с трудом и не всегда.

Иногда нам делают полукомплименты. Например: «Боже! Какой у вас стул красивый! Ну... вы тоже красивая, конечно».

Немолодые мужчина и женщина стоят возле картины, прижавшись друг к другу и соприкасаясь головами.

- Господи, как трогательно! – восхищается смотрительница.

Через минуту, подойдя к этой паре поближе и вернувшись, говорит:

- Все не так романтично. Просто аудиогид один на двоих. У каждого по наушнику, а проводки короткие.

У музея есть суровые критики, а есть и настоящие, многолетние друзья. Иногда в друзья внезапно попадают посетители, которые в данный момент любят все музеи мира сразу и все

человечество вообще. Это те, кто слегка навеселе. Совсем чуть-чуть, сразу и не заметишь, и только по слишком непосредственному проявлению чувств начинаешь понимать, в чем тут дело. Ну и по запаху. Поскольку кроме ярко выраженных положительных эмоций никаких иных проявлений нет, замечаний не делаем. Людям хорошо. И не надо завидовать!

Дежурю в двадцатом веке. Экспонаты соответствующие: революция, война, еще одна война, стройка, счастливые граждане после демонстрации, космос, в самом конце – невнятные поиски, попытки выпрыгнуть из реальности. Все особенки двадцатого столетия. Некоторые говорят: «После живописи девятнадцатого века я здесь находиться не могу». Надо же. А вот жить могли. Многим даже нравилось.

В зал икон заходит мужчина и спрашивает у смотрителя:

- Целовать можно?
- Кого?!
- Иконы.
- Ни в коем случае!
- Ну а хоть креститься можно?
- Можно.

Один из откликов о нашей выставке побил рекорды краткости. Посетитель написал: «Скучно». Ну что ж... Искусство в восприятии субъективно. Что для одного шедевр, то для другого – только плечами пожать. И это не только картин касается. Взять хотя бы литературу. Лично для меня поэзия – это часть жизни, а вот Лев Толстой, например, так высказывался в своих дневниках: «Писать стихи – это все равно, что пахать и за сохой танцевать, это прямо неуважение к слову». И Шекспира он очень ругал. Чарльз Диккенс вторил: «Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит со святочным подарком, или объявления о вакцине, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик».

О живописи тоже можно найти немало критических цитат. Вот, например, Лешек Кумор: «С определенного момента картина становится только фоном для подписи художника». Или Роберт Орбен: «Современная живопись – это когда покупаешь картину, чтобы закрыть дыру в стене, и приходишь к выводу, что дыра выглядит лучше».

Да, восприятие субъективно, поэтому разные виды искусства, и живопись в том числе, не всем заходят. Ну что же, истина стара: лучше попробовать и пожалеть, чем всю жизнь жалеть, что не попробовал.

Снова накопилась куча реплик посетителей в зале икон.

Возле «Успения Богоматери»: «Ага, значит, успела Богоматерь».

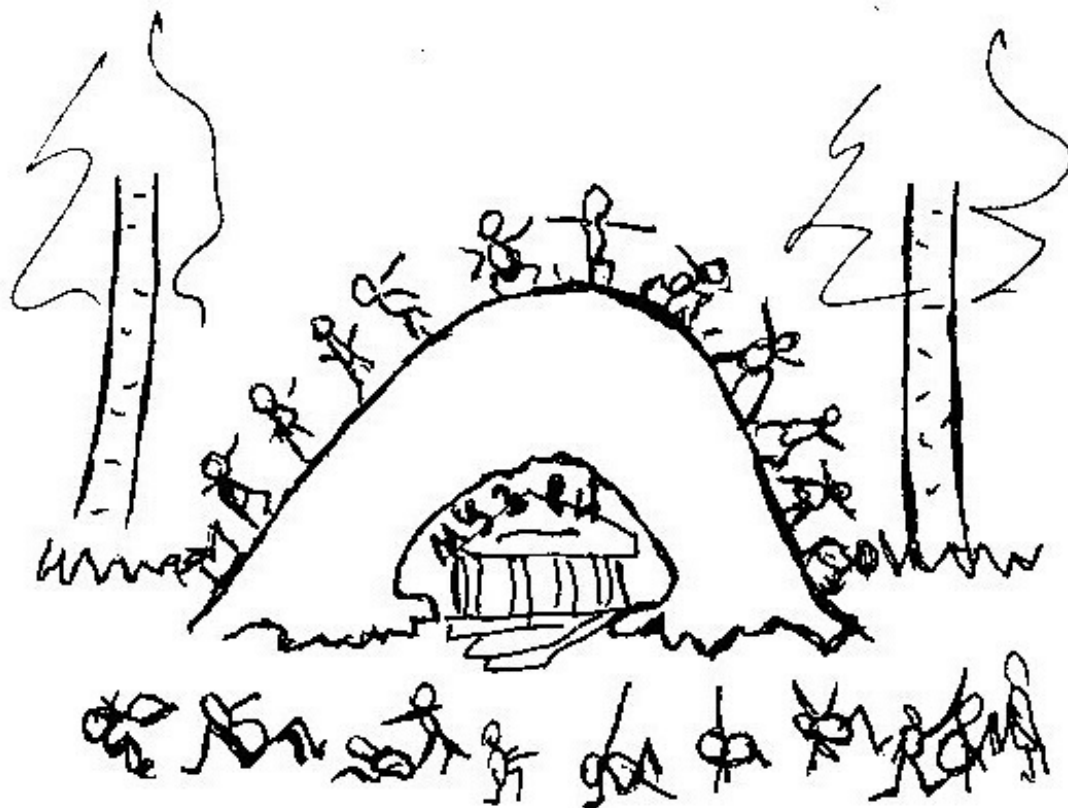
Возле «Сошествия во ад»: «Бог заходил в ад? А я и не знал».

Возле «Встречи Марии и Елизаветы»: «Теперь верю, что это подлинники. Вон жучок когда-то дерево грыз».

Возле «Входа в Иерусалим»: «Смотри, доча, вот Христос на ишачке».

Женщина подходит к картине, берется обеими руками за ее нижний край, пытается приподнять и говорит: «Наверное, тяжелая!». Наверное. Картина может весить 30-70 килограммов и больше. Представляю: приподнятая за багет, картина срывается с креплений, скользит по стене и с грохотом падает на пол, а посетительница говорит: «Ну надо же, и правда – тяжелая!».

Нас, работников музея, много: смотрители, хранители, экскурсоводы, контролеры, кассиры, клининг, служба безопасности, администраторы, Росгвардия, гардеробщики, продавцы, работники кафе и библиотеки, инженеры, электрики, руководство. Целый муравейник, только частично видимый гостям музея.

Одна из новеньких смотрительниц сказала, что ей у нас не нравится: «Тупая работа». Вот уж не согласна. У нас каждый день – новый квест. Никогда не знаешь, что принесет тебе очередная смена. Это и не удивительно – работа с людьми. Большинство посетителей приходит на позитиве, но бывает и по-другому. Могут прийти уставшие туристы, которым нужно охватить как можно больше объектов, а сил уже нет. Могут прийти супруги, которые уже с утра поругались и продолжают потихоньку грызться. Могут... Да что угодно может быть. Часто люди задают вопросы об экспонатах, и хотя в обязанности смотрителя не входит консультирование, стараешься ответить по мере сил. А если чего-то не знаешь, самому становится интересно, начинаешь потом искать ответ по разным источникам.

Одна из нас нашла в интернет-магазине значок, подходящий для смотрителей. Белый кружок, на котором надпись: «Есть такая профессия – на работе сидеть».

Посетительнице пришлось сделать замечание (а как хотелось бы всего лишь дать рекомендацию!). Она в ответ привела аргумент. Я в ответ дежурно повторила: «Таковы правила нашего музея». Она – новый аргумент. Я – все так же невозмутимо о правилах. Она – третий. Так препирались полшепотом минуты четыре. За стеной стенда стояли две смотрительницы, которые были в курсе проблемы и ожидали: не случится ли шума? Нет, обошлось. Смотрительницы потом, выглянув из-за своего стенда, спросили: «Мы так и не поняли: вы ругались или просто молча щипали друг друга?». Нет! Мы искали консенсус.

Молодая пара останавливается перед подлинником картины В.А. Тропинина:

- Кажется, это копия.

- Ну да. Похоже, нейронка рисовала.

И снова по выставке ходят мама с ребенком. На этот раз – с мальчиком лет шести. Мальчик говорит:

- Мама! Я домой хочу, я устал, здесь все одно и то же!

- Ну что ты? Здесь столько разных картин.

- Да нет же, ты посмотри вокруг! Все одно и то же! Холст и масло! Холст и масло!! Холст и масло!!!

Вошла в зал женщина. Достает из сумки жвачку и объявляет мне: «Я прочитала, что жвачка полезна для умственной деятельности в пожилом возрасте!». Почему-то она потом сообщила об этом каждой смотрительнице на своем пути. Да ладно, мы не возражаем. Лишь бы на пользу.

Некоторые посетители в конце дня категорически не хотят реагировать на объявления через систему громкой связи о том, что залы закрываются через тридцать... пятнадцать... пять минут. И только когда истекает последняя минута и звучит настойчивое напоминание, что залы закрыты, посетители выходят с огорченными лицами Винни-Пуха в гостях у Кролика: «Ну, раз у вас больше ничего нет... Тогда мы пойдем...».

У иконы «Чудо Георгия о змие» мужчина говорит: «О! Такая картинка была на деньгах!». Точно. Была такая монетка. Но этот посетитель – первый из двухсот тысяч, у которого в памяти всплыл данный исторический факт.

Еще раз испробован прием «Оставайся, мальчик, с нами...». Только это была девочка. Начала капризничать, села на скамейку, сказала, что устала и больше никуда не пойдет. Так и останется здесь сидеть. А смотрительница говорит: «Правильно! Оставайся. Мы, посетители, тоже целый день сидим. Посидишь с нами». Девочка почему-то не осталась, а сразу же быстро (откуда и силы взялись!) зашагала рядом с мамой.

Две подруги подходят к картине Ю. Пименова «Свадьба на завтрашней улице». На ней – стройка. Возводят многоэтажки. Молодожены идут по мосткам над раскуроченным строительной техникой грунтом. Одна из посетительниц говорит: «Какая реалистичная грязь!».

Эпидемия ОРВИ. При нашей проходимости посетители просто купаются в океане вирусов. Возле одной и той же картины за смену у меня чихнули четыре человека. Картина, что ли, токсичная? Все принимаем разные препараты для профилактики. Может быть, поэтому заболевших мало, а все-таки заболевшие обычно отделяются легким недомоганием на пару дней.

Удивительно, но несмотря на то, что на выставке представлено около трехсот экспонатов, посетители в своих интернет-отчетах публикуют практически одни и те же фотографии. Среди хитов раздела современного искусства – картина Н. Вечтомова «Дорога» и скульптура С. Сережина «Бег Леонардо». На картине в довольно зловещих оранжево-черных тонах – квадратные столбы по обочине дороги, лужи, по земле и по небу ползает-носится что-то непонятное. Начинаешь всматриваться – думаешь: «Лучше бы не всматривался». В скульптуре запечатлен светлый образ Леонардо. Босоногий Да Винчи несется куда-то на велосипеде, им же

изобретенном. Часто обе эти работы, вопреки их несхожему настроению, посетители отмечают в одном обзоре. Чем-то они обе особо созвучны, видимо, сегодняшнему дню.

- Пожалуйста, не подходите так близко к картине. Обратите внимание на линии.

- То есть мазки рассмотреть вблизи нельзя?! Очень жаль!

Ох уж эти мазки... Во-первых, с расстояния вытянутой руки (а это та самая допустимая дистанция) мне лично все мазки видны прекрасно. Во-вторых, если кому-то и не видны, то принципиально – зачем? Чтобы убить очарование авторского замысла техническими деталями? Из серии – не просто посмотреть фильм, но и узнать, как снимались те или иные эпизоды? Не просто прочитать «Я помню чудное мгновение», но и уточнить, было ли что-то там конкретное между Пушкиным и Керн? Есть виноград, представляя процесс пищеварения?

С другой стороны, если столь многих посетителей интересуют эти злосчастные мазки, то в этом, видимо, что-то есть? Не знаю, не знаю... Мои вопросы бесконечны, а ответов лично для себя я не вижу. По мне – долой мазки, да здравствует общее впечатление! Импрессионизм forever!

Посетительница возле мужского портрета заступает далеко за линию, подходит вплотную к картине.

- Пожалуйста, не заходите....

- А что? Опасно? Укусит?

- Кто? Смотритель?

- Нет. Этот, который на картине, если выскочит.

Стала сложно воспринимать фразу «это же ребенок». Ее обязательно произносят некоторые родители, что бы ребенок ни вытворял: носился ли по выставке, трогал ли экспонаты. На днях у меня посередине зала лег на спину мальчик лет двух и начал извиваться, передвигаясь таким способом по полу. Услышала именно то самое заклинание: «Это же ребенок!». Папа еще добавил несколько академично, словно вещая с кафедры: «Думаю, не страшно, если ребенок немного полежит у вас на полу». А ничего, что народа полный зал? В общем, подняли они ребенка и ушли дальше очень недовольные.

Подходят к картине Адриана Волкова «Прерванное обручение» супруги. Рассматривают, начинают комментировать. Жена говорит: «Вот, хотел обручиться с богатой купеческой дочерью, а тут пришла обманутая им простая девушка с младенцем на руках. Скандал! Все в шоке, ему стыдно». Муж возражает: «Нет! Видишь, он сжал руку в кулак и говорит: «Если не уведете сейчас же эту, с ребенком, я жениться отказываюсь!»».

Как там у Джона Грэя? Мужчины с Марса, женщины с Венеры?

На днях было сразу три происшествия с оставленными вещами. Во-первых, на лавочке в зале кто-то забыл телефон. Смотрительница сразу позвала специалиста по безопасности, все обошлось. Оказалось, угрозы нет. Действительно, просто забыли. В другой раз на лавочке осталась бесхозная женская сумка. Уже и по громкой связи хозяйку выкликали. Спустя время все же подошла. Оказывается, очень увлеклась рассматриванием. Ну и, наконец, на улице, у входа, кто-то оставил рюкзак. Все это, казалось бы, абсолютные мелочи, однако с нашей колокольни они воспринимаются очень даже серьезно.

Одна женщина сегодня возле картины Куинджи спросила:

- А у вас свет выключается?

- Зачем?

- Я слышала, что картины Куинджи нужно рассматривать в темноте, они тогда светятся. Ну вот, очередной миф. Нет, картины Куинджи не нужно рассматривать в полной темноте. И они не светятся. Сам художник, выставляя свои полотна, действительно использовал световые эффекты: уменьшал общую освещенность, задергивая шторы, включал направленный свет. У нас, кстати, его картины так и представлены: в укромном уголке с фокусированной подсветкой.

Хранители приходят в залы до появления гостей с широкими опакалами (пушистыми щетками с сомнительным названием «пипидастр») и обметают пыль с картин и скульптур. «Русский Сцевола» – колоритный персонаж с могучим торсом и топором в руке. Хранительница ростом примерно 160 сантиметров обметает фигуру высотой два с половиной метра. Заботливо, даже нежно. Мы, смотрители, подначиваем:

- А по голове-то не погладила!
- Зато спинку почесала!

Женщина зашла в зал с мальчиком лет шести. И мальчик начал петь. Ангельским голоском, очень мелодично, одну и ту же музыкальную фразу. Довольно громко, поэтому пришлось попросить маму: «Пожалуйста, потише». Мама сказала, смущенно улыбаясь и очень доброжелательно: «Он не может. Понимаете... он такой. Если начнет кричать, я его уведу». Отвечаю: «Извините, я думала, что он балуется. Я вас поняла». Пока они шли по залу, передала соседке, чтобы не делали замечаний, не теребили. Та передала дальше. Так мама с сыном и прошли всю выставку. И даже из последнего зала слышалось колокольчиком его пение.

Быт смотрителя незамысловат. Обедаем своим. В кафе мало кто заглядывает – очередь, да и ассортимент – кофе-выпечка. Лично мне не годится. Ходить некуда, все далеко. Есть помещение, где мы едим каждая свое немудрящее. Сильно натарабаниваться нельзя – захочется спать. Спокойная обстановка, постоянный ровный негромкий гул голосов, бесшумное и равномерное передвижение посетителей по залу – все это провоцирует дрему, действуя, как гипноз. Если такое вдруг накатывает, встаешь и ходишь. Чем больше хочется спать, тем шире шаг. Часа через два проходит. В залах прохладно, поэтому для нас очень актуальна фраза: «Не спи, замерзнешь!».

Люблю шутки про музей. Например, вот эту: «Ну, вы у меня задумаетесь. И надолго, – говорил Малевич, дорисовывая «Черный квадрат».

Продолжу ситуацией из жизни. Сидит наша смотрительница возле этого самого квадрата. К экспонату подходят трое. Женщина говорит мужу: «Ну не знаю!». Муж молчит. Тогда она поворачивается к сыну: «Ну не знаю!!!». Сын молчит. Тогда женщина подходит к сидящей смотрительнице, встает напротив нее и говорит: «Ну не знаю!!!». Смотрительница взирает на нее молча с видом человека, преисполненного чувством долга, а сама думает: «Чего не знаешь-то? Конкретный вопрос задавай!».

Смотрительница видит, как две девушки подходят к скульптурному портрету графини Шереметевой, подносят к ее уху аудиогид и фотографируются. Быстренько подходит: «Извините, трогать скульптуры нельзя!». Оборачиваются – у обеих бейджи. Это наша пиар-служба делает рекламный материал.

Потом мне эта смотрительница рассказывала с огромным огорчением:

- Мне было так стыдно, так неудобно!

- А они что сказали?

- Сказали ничего-ничего, вы все правильно сделали.

Конечно, правильно! Коллектив большой, всех в лицо не знаешь, а на спине бейджей нет. Хороший часовой всегда должен громко сказать: «Стоять! Кто идет?». Абсолютно ничего неудобного. Нормальный правильный смотритель.

Была попытка одеть нас всех в униформу. С мужчинами частично удалось. Но когда дошло до смотрителей, уже не юных женщин... После первой же примерки многие из нас погрузились «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий». У многих ИМТ – цифра неоднозначная. Измеряя в очередной раз наши формы, закройщица обратила на это внимание. Сказала, что у смотрителей нестандартные фигуры. «Вот, – говорит, – посмотрите: у женщины грудь, попа!». Наша руководительница весьма сдержанно заметила: «Вообще-то у всех женщин есть грудь». От себя добавлю: «И попа». Процесс на этом пока тормознулся.

Немного о скульптуре Ф.М. Достоевского. Пишу его имя всегда с инициалами, потому как преклоняюсь. Но короче. Подошел к экспонату мужчина, рожденный в СССР, с внучкой.

По внешности видно, что в рыночной реальности дедушка преуспел. Хорошо упакован, уверен в себе. Говорит: «Надо же! Достоевский, оказывается, в тюрьме сидел у нас, под Иркутском».

Ну... я тоже из СССР. Вообще-то в тюрьме Достоевский сидел в Петропавловской крепости (восемь месяцев), а в Омском остроге отбывал каторгу, что не есть тюрьма и не есть Иркутск. В советском учебнике истории (желтый такой, за восьмой класс) целый параграф был о кружке петрашевцев, в который входил Федор Михайлович, за что и был приговорен к расстрелу. Стоял, привязанный к столбу, с мешком на голове, и в последнюю минуту оказался помилован, отправлен на каторгу. А на уроках литературы (учебник был голубенький такой, за девятый класс) нам рассказывали о повести Достоевского «Записки из мертвого дома», написанной под впечатлением от пребывания в Омском остроге в 1850-1854 годах.

Так что, внученька, не верь дедуле. Гугли.

Скорость передвижения у представителей разных музейных подразделений своя. Самые спокойные и деловитые – это представители службы безопасности. Про них наши иногда шутят: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои». Хранители тоже невозмутимы. Что им мирская суета: они ориентируются на вечность. Клининг всегда торопится и слегка нервничает. Скорость экскурсоводов зависит от личного темперамента. Кто-то перебегает от экспоната к экспонату, кто-то более пластичен, но все ориентируются на время, отпущенное для экскурсии. Самые непредсказуемые – смотрители. В обычной обстановке это неторопливые пингвины, которые лениво переваливаются с боку на бок, поглядывая сквозь сонные веки на этот несовершенный мир. Но! Если посетитель что-то нарушает, скорость многократно возрастает. Смотритель несется туда, где нарушили, в максимально доступном ему темпе. Внезапно пингвин превращается в беспокойную наседку, которая с озабоченным «Ко-ко-ко!!!» спасает самое дорогое (в нашем случае – картины).

У каждого места в залах есть свое смотрительское название: ангел, алжирка, мужик с топором, павлины, квадрат, конь, космос.

- Ты где завтра дежуришь?

- У павлина.

- А я у квадрата.

И сразу всем понятно, о чем речь.

Есть кодовые названия и у самих залов:

- Ты где дежуришь?

- В «Маасдаме».

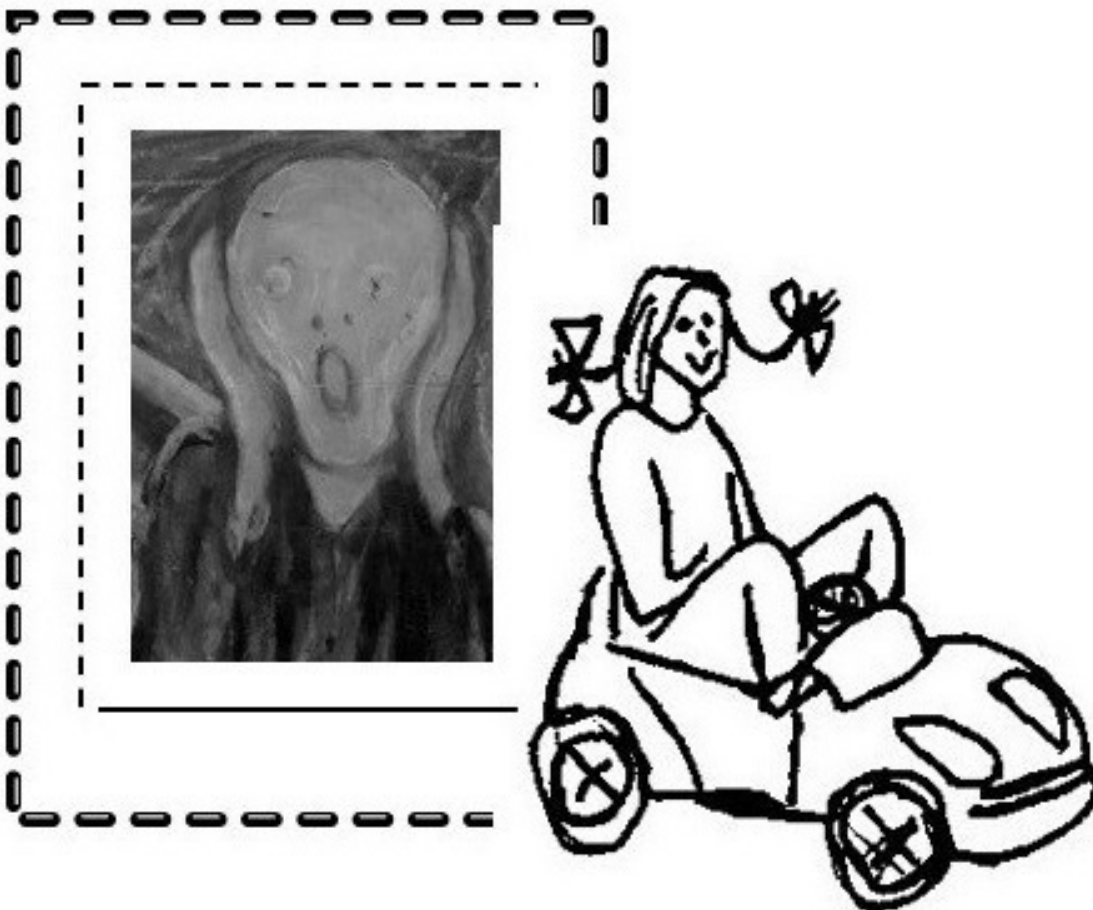
В этом зале окна сделаны в потолке: три ряда по семь штук. Итого двадцать одна круглая застекленная дырка. Действительно, немножко похоже на сыр.

Многие посетители удивительно невнимательны. Читают таблички неправильно: «Прерванное обучение» (вместо «Прерванное обручение»), «Малыш с игрушкой» (вместо «Мальчик с игрушкой»), «Ира» (вместо «Игра»). И вроде смысл находят сообразно неправильно прочитанному. Может, так влияет незнакомая обстановка?

В полу в нескольких местах есть технические люки. Там электрические розетки. Люки эти абсолютно сливаются с полом, угадываются только по металлической рамочке размером примерно пятнадцать на двадцать сантиметров. Мама с сыном лет полутора-двух идет по залу, ведет его за руку. Притормаживает возле картины. Сыном тем временем наклоняется вбок, к люку. Подумав секунд пять, свободной рукой нажимает точно в то место, через которое люк должен открываться. К счастью, не открылся – мама потянула малыша дальше. Но в зал они

заходили несколько раз, и каждый раз я, дабы упредить нездоровое любопытство будущего инженера, вставала ногой на это место и стояла, пока не уйдут.

Девочка лет трех (а может, и четырех) бежит через весь зал по диагонали. Как выяснилось, от одной бабушки к другой. Пришлось попросить не бегать. Молодая мама сгребла ребенка и вышла из зала. «Ну все, – думаю, – уйдут не досмотрев, и жаловаться еще будут». Но минут через пять мама появляется: девочка, хотя уже и большая, едет в сидячей коляске. Как в мерседесе. Даже пристегнута. Я, подходя: «Вы нашли вариант?». Мама, улыбаясь: «Иначе она вам тут все разнесет». Какой живой ребенок!

Была экскурсия ну очень высоких гостей, о которой нас предупредили заранее. Зал пустой. Минуты за две до прихода особых лиц вдруг до обморока захотелось поподробнее рассмотреть скульптурный портрет. Взяла смартфон, осветила фонариком. Напарница спрашивает: «Ты что делаешь?». Говорю: «Изучаю глубину ушей». После этого обе начали хохотать, но беззвучно, с тихим сипением. Экскурсия-то на подходе. Кое-как собрались в кучу, все прошло штатно.

Есть экспонаты, посвященные Великой Отечественной. По залу, где они расположены, идут две девушки лет по двадцать, и одна другой с возмущением говорит: «Ну ты что, не помнишь, когда война с немцами закончилась?! В семьдесят девятом!!!».

Когда посетителей мало, проблем не возникает никаких: никто не заступает туда, куда заступать нельзя, не трогает экспонаты, не бегают, не шумит и так далее. Но чем людей больше, тем больше нарушений. Видимо, даже в самой мирной толпе человек дуреет. А может, просто от избытка информации становится не таким внимательным.

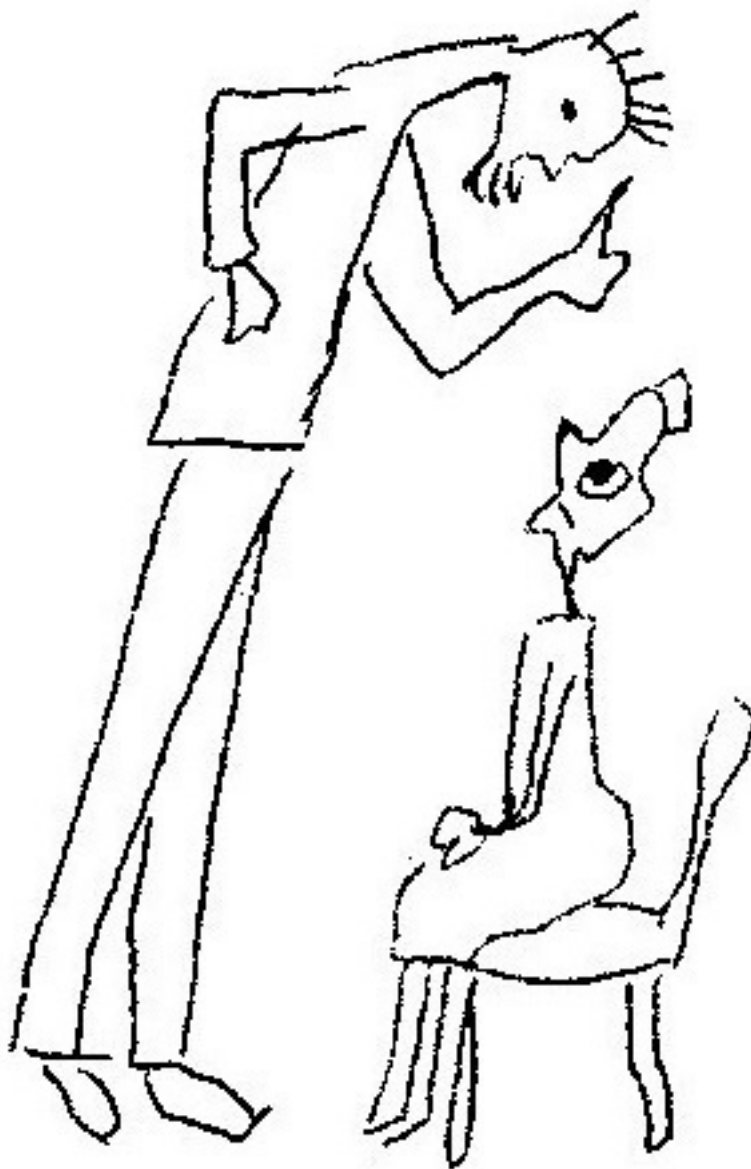
Для посещения музея дресс-код, конечно, не установлен. Каждый одевается, как хочет, и, соответственно, очень по-разному. К смотрителю подходит хорошо, со вкусом одетая девушка и возмущенно делится наболевшим: «Ну вот куда люди пришли?! Кто в трусах, кто голый!!!».

Экскурсоводы у нас все разные, но все замечательные. Есть и женщины, и мужчины. Кто-то отличается особой улыбчивостью, кто-то особой вдумчивостью и деликатностью, кто-то звонким голосом и выразительной мимикой. Многие вошли в работу сразу. Накануне открытия выставки ходили по залам, бормотали с листа. Потом проводили «экскурсию» для своих, которые изображали посетителей. Один из экскурсоводов сейчас особо любим посетителями, хотя начинал очень тяжело. Заикался-спотыкался, терялся и всячески мучился. Ничего, прошло. Это тот самый случай, который описывала в своей книге «Объяснение в любви» Валентина Леонтьева. Она так рассказывала о собственном первом выступлении на телевидении: «Это было чудовищное зрелище. В эфире появилась молодая перепуганная женщина, глаза которой были обращены внутрь. Она читала строчки на своем мозговом экране, ничего не понимая из того, что говорит. Вид у нее был, как будто ее вели на эшафот! Не успела кончиться передача, председатель радиокomiteта позвонил и спросил: «Что это было?» – «Это наш новый диктор Леонтьева», – ответила директор. «Чтобы больше ее в эфире не было!».

История закончилась хорошо, выгонять не стали, дали шанс, и страна получила изумительного диктора, а еще тетю Валу в передаче «Спокойной ночи, малыши», ведущую передач «В гостях у сказки» и «От всей души».

Возвращаясь к теме наших экскурсоводов, повторюсь: все они неповторимые и замечательные.

Очень высокий посетитель наклоняется к самой маленькой нашей смотрительнице, сидящей на стуле, и спрашивает: «Мужика видала?». Та, совершенно обалдев: «Да я много мужиков видала». Оказывается, он имел ввиду бронзовую скульптуру с обнаженным торсом. Долго рассказывал смотрительнице о том, что все в этой фигуре непропорционально, что скульптор все сделал неправильно.

Одно из преимуществ нашей работы состоит в том, что смотрители всегда знают, «что сейчас носят». Чего только не увидишь! Остается только удивляться фантазии, разнообразию и несхожести вкусов людей.

Две женщины в возрасте долго рассматривают картину, на которой нарисована роскошная агава. Потом одна говорит: «А моя-то какая облезлая. Надо ее пересадить».

В работе смотрителя очень велико значение жестов. Иногда они более уместны и воспринимаются посетителями лояльнее, чем слова. Например, женщина фотографирует подругу, та вплотную подходит спиной к картине, за линию. Приближаешься и на ходу делаешь жест ладонями рук «к себе». Прекрасно воспринимается. Или кто-то заступил, увидел, что ты подходишь, и тут же сделал шаг назад, поняв свою оплошность. Прижимаешь руку к груди в знак благодарности, слегка наклоняясь вперед. В итоге – улыбки и взаимное расположение. Но,

конечно, тут важно не напортачить. Если, например, вы щелкните пальцами, выразительно глядя на посетителя или похлопаете его по плечу – это будет очень плохой вариант.

Администраторам звонила, судя по голосу, очень пожилая женщина, хотела, чтобы ей рассказали обо всех экспонатах, а потом она решит, стоит ли приходить. Экспонатов на выставке в общей сложности чуть за триста. Ей посоветовали посмотреть информацию в интернете, но бабушка сказала, что ей нужно, чтобы все сообщили по телефону, и не просто перечислили экспонаты, но и рассказали о каждом.

Двенадцать часов рабочий день, до пяти тысяч посетителей – и ни одного нецензурного слова в уши. Даже странно как-то. Удивительная работа.

Пожилые супруги, выходя из зала, говорят:

- Спасибо вам!

- Пока рано. Впереди еще один зал.

- Мы знаем. Спасибо за Левитана и Коровина.

Остаюсь с Левитаном-Коровиным-Репиным. Рабочий день продолжается. Спасибо за приятность души вам, великие живописцы и замечательные посетители музея.

У нас продолжает формироваться собственный новояз. Пластиковые карточки, открывающие служебные помещения – это СКУДы (аббревиатура, которая расшифровывается как «система контроля и управления доступом»). Старшая смотритель написала в чате: «Перед уходом с работы не забываем оскудиться» (имелось ввиду, отметить уход). Конечно, мы тут же переименовали процедуру в «опаскудиться». Посмотрела в интернете, что значит слово «паскуда». Зачитываю вслух: «Подлый, отвратительный, никуда не годный человек». После паузы кто-то добавляет: «Только в музейные смотрители». Хохочем до слез.

К портрету Льва Толстого подходит пара. Мужчина лет тридцати говорит: «Толстой... Отвратительное чтиво. Пытался читать – больше десяти страниц осилить не могу. Ничего не понимаю!».

За два месяца выставку посетили сто десять тысяч человек. Если вычсть выходные и чужие смены, получается, что передо мной ежедневно проходит в среднем две тысячи сто пятнадцать человек. Когда-то мне очень не хватало сенсорики. Выходила специально поболтаться по людным местам. Ха! В первые дни на работе от наплыва посетителей рассеивалось внимание, появлялось состояние «смотрю, но не вижу», все лица сливались в одно. Теперь уже вижу, различаю. И все-таки: больше двух тысяч в каждую смену!!!

Ходить по выставке с детьми – непростая задача для взрослых. Детям скучно, они уже минут через пятнадцать устают, начинают капризничать, те же, что помладше – хныкать, а то и откровенно плакать. Но одна мама придумала хитрость. Заходя на выставку с двумя пацанами-погодками лет пяти и шести, дала им задание: «Ты считаешь, сколько на картинах дяденек, а ты – сколько тетенок. В конце сравним». И всю дорогу они увлеченно считали, а мама разглядывала картины. Периодически спрашивала: «У тебя уже сколько? А у тебя?» По-моему, гениально.

Как-то по выставке шли два подростка, и один, увидев издали скульптуру из белого мрамора, сказал: «О! Это, наверное, из соли!». Прочитал потом, из чего. Я сначала про себя фыркнула, а потом задумалась: может, из соли скульптуры все же делают? Конечно, делают! Напри-

мер, Анат Голдберг сделала серию скульптур из соли Мертвого моря. Японский художник Мотои Ямамото создает абстрактные конструкции из обыкновенной соли. Да что там далеко ходить! Есть же еще соляная шахта в польской Величке – месторождение каменной соли в городе, расположенном недалеко от Кракова на юге Польши. Там этих скульптур в подземных залах – не пересмотришь. А в сувенирных магазинах продают маленькие фигурки из соли туристам на память. Видела своими глазами. Жаль только, что этот материал не так долговечен, как бронза, гранит или мрамор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.